

I. ROZPRAWY I ANALIZY

Алла А. Кожина
(Минск)

КОНЦЕПТ ТРУД В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ ПО ДАНЫМ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Autorka porównuje rolę jednostek leksykalnych *praca* i *rabota* a także ich pochodnych w tworzeniu konceptu PRACA w języku białoruskim. Dochodzi do wniosku, że główna treść pojęcia powstaje w obszarze nakładania się pól semantycznych tych słów. *Praca* to społecznie użyteczna i oficjalnie zorganizowana działalność, która jest wykonywana w określonym czasie, przy czym praca ręczna jest ważniejsza. Praca jest zarówno obowiązkiem człowieka, jak i możliwością zdobywania środków do życia. Chociaż praca i podmioty pracy (przede wszystkim pracownicy) otrzymują jednoznacznie pozytywną ocenę, to PRACA w języku białoruskim kojarzy się też z brudem i znojem, i owe negatywne aspekty stanowią istotę pojęcia.

SŁOWA KLUCZOWE: praca, wartości, białoruska leksykografia

Представление о труде является ментальной и этической категорией, присутствующей в сознании каждого человека. Получая выражение в языковых единицах, это представление формирует концепт ТРУД, являющийся одной из определяющих составляющих любого языкового образа мира, в том числе складывающегося в сознании носителей белорусского языка. Не вызывает сомнения тот факт, что основными средствами выражения заявленного концепта в белорусском языке являются слова *праца* и *работа*, а также их производные. Тем не менее, структурирование и описание этого важнейшего элемента белорусского языкового образа мира все еще находится в стадии разработки.

Можно назвать лишь несколько публикаций, посвященных этой проблеме. Это статья в научно-методическом издании, посвященная словопотреблению лексем *праца*, *работа* и их производных (Кулеш 2002),

работа об идеологическом наполнении рассматриваемого концепта в белорусской периодике (Самусевич 2005); проблемы концептуализации труда также рассматриваются в нескольких статьях на паремиологическом материале (Балуш, Чуханова 2012), в том числе в сравнении с английским языком (Садоўская, Ставецкая 2011).

Одной из необходимых операций при построении каждого концепта является анализ его представления в словарях соответствующего языка. Безусловно, предпринимая подобное исследование, необходимо отдавать себе отчет в том, что оно всегда будет проводиться через призму языковой компетенции автора / авторов того или иного лексикографического источника. Причем словарные материалы, скорее всего, не будут отражать мнения рядового носителя языка, поскольку составители большинства современных словарей не придерживаются того мнения, что «лексикографическая дефиниция должна представлять собой реконструкцию способа понимания значений слов нормальными говорящими, а не научнообразно ориентированным исследователем языка» (Bartmiński 2007: 53). Как представляется, единственным выходом здесь может быть лишь привлечение достаточного большого количества словарей различного рода (этимологических, исторических, толковых, даже переводных и т.д.) для элиминации субъективного фактора путем выбора повторяющейся в этих словарях информации.

Приступая к анализу языкового наполнения концепта ТРУД, необходимо определить содержание этого концепта, а именно, того, чем труд выделяется среди деятельности человека вообще (как будет показано ниже, это очень важно для отделения той семантической области, которая непосредственно не участвует в формировании рассматриваемого концепта). Как представляется, для этого можно использовать определение, данное в «Новом объяснительном словаре синонимов» (Апресян 2004: 909) – ‘целенаправленная деятельность, требующая усилий и имеющая целью поддержание или улучшение условий жизни человека’. В том же источнике указывается, что мотив *работы* и *труда* – всегда польза людей. Именно эти критерии в дальнейшем будут использованы при отборе словарного материала.

К вопросу об этимологии лексем *праца* и *работа* и возможности ее использования для построения концепта ТРУД

Анализ этимологии лексемы может дать очень интересные факты для изучения путей формирования концепта, поскольку «эта отрасль

языкознания, опирающаяся во многих случаях на этнографические материалы, создает своего рода мост между современным и древним образами мира» (Jakubowicz 2012: 173). Однако этимологи не устают предостерегать когнитивистов и этнолингвистов от бездумного использования всех данных, предоставляемых этимологическими словарями. Основная проблема, подстерегающая исследователя на этом этапе работы, хорошо известна: она заключается в том, что «выбор этимологии и первичных значений исследуемых слов может влиять на любые дальнейшие выводы, в том числе и на создание языкового образа мира» (Popowska-Taborska 2012: 160). Поэтому «этнолингвисты, опирающиеся на этимологические данные, должны ориентироваться, в какой степени данное объяснение является достоверным в глазах самих этимологов» (Jakubowicz 2012: 175).

Однако именно в случае лексемы *праца* не существует единого достоверного объяснения ее происхождения. Х. Поповска-Таборска (Popowska-Taborska 2012: 161–162) для иллюстрации высказанного ею положения о влиянии выбора первичных данных на дальнейшие выводы приводит совершенно различные этимологии, предложенные В. Борысем в «Этимологическом словаре польского языка» (W. Boryś „Słownik etymologiczny języka polskiego” (2005)) и Х. Шустер-Шевцем в «Историко-этимологическом словаре верхне- и нижнелужицкого языков» (H. Schuster-Šewc „Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache” (1985)), где первый возводит пол. *praca* к псл. корню **per(ə)-* ‘переводить, переправлять’, а второй связывает в.-луж. *próca* и н.-луж. *proca* с и.-е. корнем **(s)per-*, определявшим интенсивное движение, динамизм.

В. Махек в «Этимологическом словаре чешского языка» (Machek 1971: 477–478), определяя значение ст.-чеш. *práce* как ‘тягость, мучение, усилие, трудность’, выводит его от псл. **port’a*, являющегося, по его мнению, метатезой от *torp-ja < trpěti*. Хотя подобный семантический переход ‘трудность, мучение, страдание’ > ‘труд’ представлен также в развитии семантики соответствующей русской лексемы (см., в частности, Толстая 2008), что могло быть косвенным подтверждением подобной этимологии, версия Махека не рассматривалась как правдоподобная в позднейших этимологических словарях, например, в «Этимологическом словаре белорусского языка» (см. ЭСБМ 10: 18–19). В последнем за основную принимается гипотеза О. Н. Трубачева, высказанная им в примечании к статье *праца* в этимологическом словаре Макса Фасмера (Фасмер 1987: 356), где Трубачев возводит эту лексему к псл. **portja* от **portiti* ‘посылать’. Можно еще указать приводимую Махе-

ком версию Т. Лер-Сплавинского о происхождении слова *praca* от корня *per-* ‘лететь’, чтобы продемонстрировать разбежность этимологических версий и невозможность сведения их к общему знаменателю, несмотря на то, что в большинстве из них в семантизации праславянского корня отчетливо просматривается идея движения. Следовательно, первичная мотивация лексемы *праца* не может быть корректно использована для построения соответствующего концепта.

Более значимым для указанной процедуры представляется сам факт появления данного слова в белорусском языке в конце XVI в. (ЭСБМ 10: 18) как польского заимствования, что привело к возникновению конкуренции между ним и искони существовавшим на славянской территории словом **orbota* ‘подневольный труд’ (см., например, Гамкрелидзе, Иванов 1984: 479) (ст.-бел. *работа, робота* (ЭСБМ 11: 12)). Думается, что именно эта конкуренция и повлияла в большой степени на становление семантики лексем *работа* и *праца*, а именно на то, что они так и не смогли окончательно дифференцировать свои значения, совпадая в номинации одних и тех же явлений¹. Это позволяет сделать предварительный вывод о том, что структура рассматриваемого концепта в белорусском языке будет отличаться от таковой, например, в русском языке, где семантика лексем *труд* и *работа/робота* развивалась параллельно, что позволило им достаточно отчетливо разделить семантические «сферы влияния».

Структура концепта ТРУД в языковом образе мира белоруса XXI века по данным лексикографии

Ядро концепта в его представлении лексемами *праца* / *работа, працаваць* / *рабіць*

Как уже говорилось, лексемы *праца* и *работа*, а также их дериваты, на основе которых формируется концепт ТРУД, в силу особенностей исторического языкового развития обнаруживают значительное совпадение семантики. Так, по данным последнего издания толкового словаря белорусского языка (ТСБЛМ: 504, 531) семантика заявленных выше слов выглядит весьма сходным образом, обнаруживая пересечение

¹ Ср. Popowska-Taborska 2012: 163 о позднем появлении лексемы *praca* в польском языке и возможности влияния этого факта на становление соответствующего концепта.

в следующих пунктах: а) ‘работа, занятие, деятельность’ (*фізічная праца/работа, разумовая праца/работа*); б) ‘трудовая деятельность в организации, на производстве, в сельском хозяйстве’ (*хадзіць на працу, паступіць на работу*); в) ‘результат умственной деятельности, творчества’ (*спіс друкаваных прац, друкаваная работа*).

За границами общей семантической сферы остается представление работы как деятельностного процесса, для которого важен обрабатываемый материал (*прывнесці работу дадому*) и способ выполнения (*замок кавальскай работы*); с этим связано употребление лексемы *работа* как термина, обозначающего ‘процесс преобразования энергии из одного вида в другой’.

По-видимому, наличие дополнительных сем у слова *работа* приводит к его относительно большей употребительности – так, на выборку из 1801000 словоупотреблений приходится 1918 словоупотреблений лексемы *работа* и 1242 словоупотребления лексемы *праца* (Мажэйка 2006). Подобное соотношение употребительности наблюдается и для глаголов *працаваць* (1079) и *рабіць* (1645) (Мажэйка 2006), хотя различия в их семантике усиливаются по сравнению с однокоренными лексемами (см. ТСБЛМ: 504, 531). Совпадая в значении ‘иметь где-л. какое-л. занятие, работать, служить’ (*працаваць на фабрыцы, у калгасе, працаваць бухгалтарам / рабіць на заводзе, рабіць аграрномам у калгасе, рабіць закройшчыкам у атэльё*), эти глаголы различаются тем, что первый берет на себя выражение значения ‘трудиться, работать’ (*працаваць у полі, працаваць здзельна, працаваць над сабой, працаваць са слоўнікам; працаваць на сябе; працаваць вёсламі; матор працуе без перабоў*), а второй – ‘делать’ (*рабіць ўсё па-свойму, рабіць мэблю, марожанае; рабіць памылкі; рабіць дабро людзям; рабіць з хлопца камедыянта; рабіць чалавека шчаслівым*).

Таким образом, можно предположить, что на формирование концепта ТРУД в том его определении, которое давалось в начале этой статьи, работает только пересекающаяся часть семантики существительных – ‘работа, занятие’; ‘трудовая деятельность’; ‘результат умственной/творческой деятельности’, а также та часть глагольной семантики (преимущественно глагола *працаваць*), которую можно представить как ‘заниматься работой, осуществлять трудовую деятельность’, а именно, часть, пересекающаяся с семантикой существительных.

Из структуры содержания современного существительного *праца* исчезает значение ‘усилие, хлопоты’, зафиксированное историческим словарем белорусского языка (ГСБМ 27: 484). В современном языке также отсутствует лексема *гараваць* ‘тяжело трудиться’, фиксируемая

А. Макмиллином в текстах XIX в. (McMillin 1973: 129). Заимствованная из польского языка (ср. *harować*), она, тем не менее, участвовала в построении именно белорусских текстов, о чем свидетельствует следующая поговорка, зафиксированная М. Федеровским (Federowski 1935: 104) – *katù harawać, таму не йтираć*, – где отличающееся от польского ударение, подтвержденное рифмой, указывает на полное освоение данной лексемой белорусским языком.

Представление концепта ТРУД в парадигматических отношениях лексем

Определение сущности рассматриваемого концепта, приведенное в первом разделе статьи, позволяет также определить, какая область семантики лексем, находящихся в различных парадигматических отношениях со словами *праца* и *работа*, принимает участие в его формировании.

Как представляется, гиперонимом для них являются лексемы *дзеінасць* ‘деятельность’ и *занятак* ‘занятие’. На это указывает, в частности, тот факт, что при проведении анкетирования среди студентов Белорусского государственного университета, большинство испытуемых определило сущность труда с использованием именно этих лексем, ср. в ответах: *праца – гэта дзейнасць* ‘деятельность’, *любая дзейнасць* ‘любая деятельность’, *дзеінасць чалавека* ‘деятельность человека’, *від дзейнасці* ‘вид деятельности’, *спосаб працоўнай дзейнасці* ‘способ трудовой деятельности’; *занятак* ‘занятие’, *род заняткаў* ‘род занятий’, *то, чым чалавек займаецца* ‘то, чем человек занимается’, *галюўны/асноўны занятак у жыцці чалавека* ‘главное/основное занятие в жизни человека’.

Лексема *дзеінасць*, по определению словаря (ТСБЛМ: 176), имеет значение ‘занятие, работа в какой-л. отрасли’ (*гаспадарчая, педагагічная, навучова-даследчая дзейнасць*), ‘функционирование каких-л. органов организма, а также сил природы’ (*дзеінасць сэрца, дзейнасць вулкана*). Но, даже употребляясь в первом значении, лексема *дзеінасць* обозначает не только работу, на что указывает уже ее сочетаемость – существование атрибутивной синтагмы *працоўная дзейнасць* ‘трудовая деятельность’ свидетельствует о том, что деятельность человека может быть не только трудовой, ср. объявление на одном из интернет-сайтов: *Паломніцкая дзейнасць у 2012 годзе працягнецца* ‘паломническая деятельность в 2012 году продолжится’ (<http://piligrimka.by>). Безусловно, паломничество никак нельзя рассматривать как профессию. Кроме

того, лексема *дзеінасць* может обозначать также бесполезные и даже вредные занятия, что невозможно для лексем *праца* и *работа*, ср. *злачынная дзейнасць* ‘преступная деятельность’ при полной невозможности сочетания **злачынная праца*. Все вышесказанное еще раз доказывает тот факт, что слова *праца* и *работа*, формируя основу концепта ТРУД, обозначают не просто деятельность, но деятельность созидательную и общественно-полезную.

Этот вывод поддерживается значением и употреблением еще одного гиперонима – лексемы *занятак* ‘то, чем кто-л. занят, работа, дело’ (ТСБЛМ, 220). Ее основное отличие от лексем, представляющих собой стержень концепта, состоит в том, что это не обязательно трудовая деятельность (ср. *Паляваньне на ведзьмаў – вясёлы занятак* ‘охота на ведьм – веселое занятие’, Л. Рублеўская), и она даже может быть противопоставлена деятельности трудовой (ср. *Для мяне гэта не проста работа, а занятак для душы* ‘для меня это не просто работа, а занятие для души’, <http://www.glusk.by>). Уже эти два определения (*вясёлы занятак* и *занятак для душы*) позволяют методом «от противного» представить еще две характеристики труда. Во-первых, труд не может быть веселым (не встретилось ни одного сочетания **вясёлая праца / работа*), он противопоставляется забаве и развлечениям. Это подтверждается народным представлением о труде – ср. *У будны дзень згуляць грэх, а ў святы дзень зрабіць не грэх* ‘в будний день гулять грех, а в святой день поработать не грех’ (Янкоўскі 1971: 100). Во-вторых, как это ни странно, труд в современных текстах может рассматриваться как нечто, мешающее духовной жизни, ср.: *Мая маці кажа, што праца галоўней, а я лічу, што для душы трэба таксама нешта...* ‘моя мать говорит, что работа важнее, а я считаю, что для души также что-то нужно’ (Л. Адамович) или *Душэўнае жыццё, напэўна, замянялася працаю, і нават не самой працаю, а часам, праведзеным у інстытуце* ‘духовная жизнь, наверное, заменялась работой, и даже не самой работой, а временем, проведенным в институте’ (С. Алексиевич).

В качестве синонима к лексемам *праца/работа* в комплексном лексическом словаре белорусского языка (Гамеза 2008: 224) предлагается слово *служба*, которое, с одной стороны, сужает область труда до умственной деятельности: ‘работа, занятие служащего’, а, с другой, подчеркивает его организованность и упорядоченность ‘также место этой работы’ (*ісці на службу*) (ТСБЛМ: 609). Здесь также отмечается современная потребность в специализации этой деятельности: ‘специальная область работы, занятий’ (*медыцынская служба*); ‘выполнение воинских обязанностей’ (*служба ў радах арміі*).

Представление концепта ТРУД в синтагматических отношениях лексем

«Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы», который был взят за основу анализа концепта ТРУД в белорусском языке начала XXI в., не содержит иллюстративных примеров из художественной литературы. Как указывают его создатели, «в качестве примеров даются короткие фразы, наиболее употребительные сочетания слов» (ТСЛБМ: 6). Это позволяет предполагать, что на основании словарных примеров можно сделать вывод именно о существенных для всех носителей белорусского языка характеристиках рассматриваемого концепта. Как представляется, такую информацию дают и переводные словари, поскольку в своей словарной статье они предлагают наиболее частотные сочетания слов, ту информацию о сочетаемости, которая чаще всего может понадобиться переводчику. В нашем случае в качестве таковых словарей были взяты последний белорусско-русский (БРС) и белорусско-немецкий (БНС) словари.

Можно сказать, что в иллюстративных примерах, предоставляемых толковыми словарями для лексем *дзеінасць*, *заятак*, *праца*, *работа*, *служба*, труд представляется как официально организованная деятельность, ср. *працоўная кніжка* ‘документ о трудовом стаже’ (ТСБЛМ: 295), *праца паводле кантракту* (БНС: 389), *праца па найму* (БНС: 389), *вольнанаёмная праца* ‘вольнонаемная работа’ (БРС: 143), *падзел працы* ‘разделение труда’ (БРС: 143). Синтагмы, представляющие официальное трудоустройство, предполагают наличие двух участников этого процесса – работодателя и работника: ср. *прыняць на працу* (ТСБЛМ: 516) и *паступіць на работу* (ТСБЛМ: 531) / *на працу* (БНС: 389) ‘поступить на работу’, а также *звольніць з працы* ‘уволить с работы’ и *звольніцца з працы* ‘уволиться с работы’ (ТСБЛМ: 236). Любопытно, что участие в трудовом процессе рассматривается как движение: *хадзіць на працу* ‘ходить на работу’ (ТСБЛМ: 504), *у сувязі з пераходам на іншую працу* ‘в связи с переходом на другую работу’ (БНС, 389). Трудовая деятельность протекает в определенном месте (*месца працы* ‘место работы’ (ТСБЛМ: 504) (ср. также одно из значений слова *месца*, образованное путем метонимического переноса: ‘служба, работа, должность’ (ТСБЛМ: 342)), *службовае памяшканне* ‘служебное помещение’ (ТСБЛМ: 609), *службовы уваход* ‘служебный вход’ (ТСБЛМ: 609)) и в определенное время (*другая змена яшчэ не працавала* ‘вторая смена еще не работала’ (БРС: 143)). Работа официально контролируется (*інспекцыя працы* ‘инспекция труда’ (БРС: 143)), для нее создаются определенные условия (*умовы працы* ‘условия труда’ (БРС: 143)), она

предполагает денежное вознаграждение (*аплатціць за працу* (ТСБЛМ: 504)), что создает возможность существования человека (*жыць сваёй працай* (БНС: 389), *што не працуе, той не есць* ‘кто не работает, тот не есть’ (БРС: 143)).

В результате трудовой деятельности образуется продукт деятельности (*прадукт працы* ‘продукт труда’ (ТСБЛМ: 504)). Для ее протекания необходимы инструменты (*прылады працы* ‘орудия труда’ (ТСБЛМ: 504), *працаваць сякерай* (БРС: 143)). В приводимых словарях не указывается материал, возможно, потому, что он по умолчанию составляет существенную часть *работы* – ср. одно из значений этой лексемы ‘материал, который находится в процессе производства’ с примером *прывнесці работу да дому* (ТСБЛМ: 504).

Для современного человека имеет значение, скорее, результат научной или творческой деятельности, о чем свидетельствует отдельное значение лексемы *праца* – ‘результат умственной деятельности, творчества’, хотя исторически это слово могло обозначать любой плод труда – *подданные тые... вжсе почали орати и сьяти, маеть кождый свою працу зобрати* ‘подданные эти... уже начали пахать и сеять, должен каждый свой труд (=результат труда) собрать’ (ГСБМ 27: 485). Нефизический труд в наше время важнее физического, ср. специальное слово для его номинации – *служба* (как показывает словарь И. Носовича (1870, 597) в белорусском языке XIX в. такого значения у этого слова не было). Кроме того, в словарном иллюстративном материале превалируют примеры с указанием на нефизический труд. Вот эти примеры: *разумовая праца / работа* ‘умственный труд’ (ТСБЛМ: 504, 531), *друкаваная работа* ‘печатный труд’ (ТСБЛМ: 531); *навуковая праца* ‘научная работа’ (ТСБЛМ: 504); *навукова-даследчая праца* (БНС: 389) / *дзеясць* (ТСБЛМ: 176) ‘научно-исследовательская работа/деятельность’, *творчая праца* ‘творческая работа’ (БРС: 143), *рабіць ва ўстанове* ‘работать в учреждении’ (БРС: 279), *працаваць сакратаром* ‘работать секретарем’ (БРС: 143), *інжынерна-тэхнічныя работнікі* ‘инженерно-технические работники’ (БРС: 280), *работнік разумовай працы* ‘работник умственного труда’ (БРС: 280), *наменклатурны работнік* ‘номенклатурный работник’ (БРС: 280), *канцэлярыя працуе штодзень* ‘канцелярия работает ежедневно’ (БРС: 143), *працаваць са слоўнікам* ‘работать со словарем’ (БРС: 143), *спіс друкаваных прац* ‘список печатных работ’ (ТСБЛМ: 531), *у яго шмат друкаваных прац* ‘у него много печатных работ’ (БРС: 143); *надрукаваць працу* ‘напечатать работу (труд)’ (БРС: 143); *працаваць над творами* ‘работать над произведением’ (БРС: 143); *працы інстытута* ‘тру-

ды института' (БРС: 143); *выстаўка работ мастака* 'выставка работ художника' (ТСБЛМ: 531); *рабіць газету* 'делать газету' (БРС: 279), *рабіць пераклад* 'делать перевод' (БРС: 279), *педагагічная дзейнасць* 'педагогическая деятельность' (ТСБЛМ: 176); *медыцынская служба* 'медицинская служба' (ТСБЛМ: 609), *служба сувязі* 'служба связи' (ТСБЛМ: 609), *служба надвор'я* 'служба погоды' (ТСБЛМ: 609). При этом примеров, в которых упоминался бы физический труд, значительно меньше: *фізічная праца/работа* 'физический труд' (ТСБЛМ: 504, 531), *сельскагаспадарчыя работы* 'сельскохозяйственные работы' (ТСБЛМ: 531), *працаваць у калгасе* 'работать в колхозе' (БРС: 143), *працаваць на трактары* 'работать на тракторе' (БНС: 389), *унутраннія работы ў новым доме* 'внутренние работы в новом доме' (ТСБЛМ: 531), *фартыфікацыйныя работы* 'фортификационные работы' (БРС: 280); *рабіць на фабрыцы* 'работать на фабрике' (БРС: 279), *рабочы ад станка* 'рабочий от станка' (БРС: 280), *падзённыя рабочы* 'поденный рабочий' (БРС: 280).

Для работы нужны специальные знания, квалификация (*кваліфікаваны працаўнік/работнік* 'квалифицированный работник' (БРС: 144, 280), *працаваць па спецыяльнасці* 'работать по специальности' (БНС: 389)), при этом обучение приравнивается к труду (ср. *заняткі* 'учебные часы (уроки, лекции)' (ТСБЛМ: 220); также иллюстративный материал: *сумяшчаць работу на заводзе з вучобай у тэхнікуме* 'совмещать работу на заводе с учебой в техникуме' (ТСБЛМ: 531)).

Труд вызван общественной необходимостью (*грамадска неабходная праца* 'общественно-необходимая работа' (БРС: 143), *грамадская праца* (БНС: 389) / *работа* (ТСБЛМ: 156) 'общественная работа') и является обязанностью (*Добрасумленная праца — справа кожнага грамадзяніна* 'добросовестная работа — дело каждого гражданина' (ТСБЛМ: 619)); ср. также устойчивое выражение *Не ў службу, а ў дружбу* — 'не по обязанности, а из дружеских побуждений', откуда следует, что служба — это обязанность). Работа вообще, а, особенно, добросовестная работа одобряется и поощряется обществом (*гімн працы* 'гимн труду' (БРС: 143); *людзі працы* 'люди труда' (БРС: 143); *перадавая работніца* 'передовая работница' (БРС: 280); *сумленны працаўнік* 'добросовестный работник' (БРС: 143)). Следует отметить, что недобросовестное отношение к труду выражается не в определениях к соответствующим лексемам, как это наблюдалось выше, а специальными словами, причем определение показывает, что отрицание труда принимает форму не открытого бунта, а скрытого уклонения (ср. *гультайства, лодарнічанне* 'уклонение от работы').

Открытое же противопоставление труда и безделья наблюдается только в народной мудрости. В белорусско-русском словаре находим следующие прецедентные тексты: с одной стороны, *працце і смаку не чуе* ‘через пень колоду’, *працаваць спуціўшы рукава* ‘работать спустя рукава’ (БРС: 143), а, с другой, *працаваць, не разгінаючы спіны* ‘работать, не разгибая спины’, *працаваць не складаючы рук* ‘работать не покладая рук’ (БРС: 143), *праца гарыць у руках* ‘работа горит в руках’ (БРС: 280). Кстати, тяжесть труда упоминается только в устойчивых сочетаниях (ср. также *работы на горла* (БРС: 280), *рабіць як чорны вол* ‘тяжело работать’ (БРС: 279)). Свободное же сочетание демонстрирует иное отношение, ср.: *сёння лёгка працуецца* (БРС: 143).

Вообще представление о тяжести труда ослабляется в современных словарных материалах. В более раннем издании толкового словаря (ТСБМ 4, 1980, 384) для лексемы *праца* представлено значение ‘работа, которая требует затраты физической или умственной энергии’ с иллюстративным примером *Гануля была ў бацькоў адной дачкой і, яшчэ будучы дзіцём, дапамагала маці ў цяжкай сялянскай працы*. В изданном через 25 лет ТСБЛМ (2005, 504) от этого остался только пример: *Цяжкая сялянская праца*. Возможно, это в какой-то степени отражает изменения, произошедшие в сознании носителей языка. Если в ассоциативном словаре, изданном в начале 80-х годов первой ассоциацией на слово *праца* выступает прилагательное *цяжкая* (Цітова 1981: 80), то в ассоциативном эксперименте, проведенном в 2011 г., о котором уже говорилось выше, представление о тяжелой работе появляется только в реакции на вопрос о том, каков настоящий труд: *цяжкая праца* (3), *цяжкая праца на блага чалавека*; *вельмі цяжкая, складаная праца*; *калі пот струменямі сцякае з ілба*, что свидетельствует о том, что не всякая работа представляется тяжелой.

Представление концепта ТРУД дериватами лексем *праца* / *працаваць* / *рабіць*

Анализ значения префиксальных дериватов от глаголов *працаваць* и *рабіць* позволил обнаружить у них повторяющиеся семантические компоненты, которые позволяют сделать вывод о некоторых составляющих структуры рассматриваемого концепта, существенных для носителя белорусского языка.

Так, в семантике многих глаголов отчетливо выделяется временной компонент. Это, прежде всего, указание на время, проведенное за работой: *адпрацаваць/адпрацоўваць* ‘поработать/работать какое-то

время' (ТСБЛМ: 43), такой же компонент присутствует в семантике глаголов *адрабіць/адрабляць, адробліваць* (ТСБЛМ: 44), *напрацаваць* (ТСБЛМ: 439), *прапрацаваць/прапрацоўваць* (ТСБЛМ: 499), *прарабіць/прарабляць* (ТСБЛМ: 499), ср. также *парабляць* 'проводить время, делая что-л., занимаясь чем-л.' (ТСБЛМ: 440). Можно предположить, что выполнение количественной нормы не является столь важным – обнаружилось всего два глагола, содержащих подобную сему: *выпрацаваць/выпрацоўваць* и *вырабіць/вырабляць* 'сделать/делать определенное количество работы, выработать' (ТСБЛМ: 130). При этом девербатив названных глаголов – существительное *выпрацоўка* – иллюстрируется примером, свидетельствующим о важности при определении сделанной работы именно затраченного времени: *дзённая выпрацоўка* 'дневная выработка' (ТСБЛМ: 130). Кроме того, такое экономическое понятие, как *працаёмкасць* 'трудоемкость' (ТСБЛМ, 504), определяется как 'затраты рабочего времени на производство продукции' (Райзберг и др. 1999: 401). Трудоемкость обратно пропорциональна производительности труда, и это отражается также в наивно-языковой экономике: для выполнения большого количества работы не обязательно работать долгое время: *парабіць* 'поработать некоторое время' и 'сделать все, многое' (ТСБЛМ: 440), хотя, безусловно, длительность работы может быть связана с количеством выполненного: *перарабіць/перарабляць* 'поработать/работать больше, чем нужно' и 'сделать все, многое' (ТСБЛМ, 470). Нужно сказать, что проблемы трудоемкости, по-видимому, всегда интересовали белорусов: исторический словарь представляет сразу несколько синонимов, связанных с ее обозначением – *працэполмый, працовісты, працовітый* 'трудоемкий' (ГСБМ 27: 484, 486, 487).

В рассматриваемом образе мира нарушением является факт работы дольше запланированного – практически все глаголы, содержащие подобный семантический компонент, содержат также сему 'устать': *перарабіць/перарабляць* 'поработать больше, чем нужно' и 'работая слишком много, устать' (ТСБЛМ: 470); *запрацавацца* 'увлекшись работой, забыть про время' и 'устать от длительной или тяжелой работы' (ТСБЛМ: 222), *напрацавацца* (также *нарабіцца* (ТСБЛМ: 373)) 'поработать долго, вволю, устать от работы' (ТСБЛМ: 372), ср. *перпрацаваць/перпрацоўваць* 'поработать/работать дольше, чем было запланировано' (ТСБЛМ: 469) и *перпрацавацца/перпрацоўвацца* 'устать/уставать в процессе работы' (ТСБЛМ: 469). Можно предположить, что подобное представление об усталости, связанное с продолжительностью работы, приходит на место представлению о тяжести труда. Кстати, и большое количество созданного не всегда воспринимается по-

ложительно, ср. объединение в семантике одной лексемы представления о большом количестве беспорядка, учиненном в результате интенсивной работы: *нарабіць/нарабляць* ‘сделать большое количество чего-л.’, но также и ‘сделать, осуществить то, что названо существительным (о многом, неодобрительно)’ (*нарабіць глупства* ‘наделать глупостей’, *нарабіць памылак* ‘наделать ошибок’), кроме того, ‘намусорить, напачкать’ (ТСБЛМ: 373).

Возможно, поэтому особое значение приобретает идея окончания работы, начало же работы фиксируется только в семантике глагола *запрацаваць/запрацоўваць* и не в применении к человеку (*машина запрацавала*) (ТСБЛМ: 222). В то же самое время представление об окончании работы очень важно – оно связано также с приобретением продуктом труда соответствующего качества. Так, *адрабіць* – это только ‘кончить, перестать работать, трудиться’ (ТСБЛМ: 44), но *адпрацаваць/адпрацоўваць* ‘кончить работать’, но и ‘придать чему-л. конечный вид; добиться мастерского выполнения’ (ТСБЛМ: 43); *дапрацаваць/дапрацоўваць* ‘завершить работу над чем-л.; дополнительной обработкой довести до нужного качества’ (ТСБЛМ: 169) *дарабіць/дарабляць* ‘закончить работу’ и ‘довести до нужного уровня’ (ТСБЛМ: 169). Представление о качестве работы выражают также глаголы *абрабіць/абрабляць* ‘обрабатывая, придать чему-л. нужный вид, качество’ (ТСБЛМ: 43), *апрацаваць/апрацоўваць* ‘выделать, отшлифовать, подготовить к чему-л.’ (ТСБЛМ: 44); *вырабіць/вырабляць* ‘тщательно сделать, смастерить’ (ТСБЛМ: 131).

Многие глаголы сохраняют в своей семантике архаическую идею о воплощении труда как обработки земли, любопытно, однако, что в семантике тех же лексем присутствует представление о загрязнении и даже порче: так, глагол *апрацаваць/апрацоўваць* ‘подготовить к посеву, посадке’ (ТСБЛМ: 63) не содержит в своей семантике подобного компонента, но уже *абрабіць/абрабляць* имеет значение ‘обработать, поухаживать’ с примером *апрацаваць зямлю* (ТСБЛМ: 21) и ‘запачкать чем-л.’; также *вырабіць/вырабляць* ‘хорошо подготовить для посева, посадки (почву)’ и ‘запачкать, испортить что-л. небрежным обращением’ (ТСБЛМ: 131); *урабіць/урабляць (уробліваць)* ‘подготовить (землю) для посева, обработать’ и ‘вымазать, запачкать’ (ТСБЛМ: 693–694), ср. также *урабіцца/уроблівацца* ‘вымазаться, запачкаться в чем-л.’. Безусловно, подобного не содержалось в глагольной семантике в истории языка – здесь представление об обработке земли сочетается с представлением о заработке: *выробляти* ‘обрабатывать (землю)’, ‘зарабатывать’ (ГСБМ 6: 76), *заробити* ‘приобрести работой, получить за работу’ и ‘обработать (подготовить для посева, посадки)’ (ГСБМ 11: 27).

Повторяющимся в семантике глагольных лексем является и представление о возможности переделки, создания заново, то есть, об исправлении ошибки, исправлении судьбы, возвращении прежнего: *адрабіць/адрабляць, адробліваць* ‘сделать так, чтобы вернуть что-л. к прежнему состоянию’ с примером, подвергающем сомнению возможность этого (*таго, што зробіш, назад не адробіш*) (ТСБЛМ: 44), *перарапрацаваць/перарапрацоўваць* ‘переделать, сделать по-новому, иначе’, (ТСБЛМ: 469) *перарабіць/перарабляць* ‘сделать наново, иначе, другим’ (ТСБЛМ: 470).

Среди глагольных дериватов есть лексемы, обозначающие получение дохода: *зарабіць/зарабляць* ‘приобрести работой, получить за работу’, (ТСБЛМ: 223), ср. также *заработак, заробак, заработная плата*. Однако осталось и архаичное представление о возможности оплаты собственной трудовой деятельностью: *адпрацаваць/адпрацоўваць* и *адрабіць/адрабляць, адробліваць* ‘рассчитаться за долг своей работой’ (ТСБЛМ: 43, 44), ср. *адработкі* ‘прежде: работа крестьянина со своим конем и инструментами на богача за пользование земель, за долги’ (ТСБЛМ: 44). Следует отметить, что в истории белорусского языка существовало больше способов обозначения получения вознаграждения за работу, чем в современном – *выробляти, выробяти* (ГСБМ 6: 76–77), *доробити* (ГСБМ 8: 307), *заробити/заробливати, заробляти, заробяти, заробек, заробенье* (ГСБМ 11: 127–129), *запрацовати* (ГСБМ 11: 105), ср. *роботизна* ‘оплата труда’ (ГСБМ 30: 123). Возможно, это объясняется различными видами вознаграждения, существовавшими в прошлом, по сравнению с современной преимущественно денежной оплатой.

Именные дериваты добавляют в структуру концепта оценочный компонент, представляя труд как один из основных критериев положительной оценки человека, причем такие дериваты способны образовывать обе лексемы (см. ТСБЛМ: 504, 531), ср. *працавік* ‘очень старательный, работающий человек, работяга’, *рабацяга* ‘старательный, честный работник; рабочий человек, простой, самоотверженный работник’; *працалюбівы* ‘характеризующийся большой любовью к труду’; *працавітны* ‘много, хорошо и честно работающий’; *рабацяшчы* ‘любящий труд, много и хорошо работающий’. Лексема *роботягъ / работягъ* существовала и в XVI в., однако тогда ее значение было ‘работник, наемник, невольник’ (ГСБМ 30: 125).

Именные дериваты поддерживают также представление о том, что труд, работа в сознании современного носителя языка – это официально организованная деятельность. В нее вовлечены, с одной стороны, *ра-*

ботадавец/работадаўца (ТСБЛМ: 531), а, с другой, *работнік, рабочы* (ТСБЛМ: 532), *працаўнік* (ТСБЛМ: 504), *служачы* (ТСБЛМ: 609), ср. также еще один синоним – *супрацоўнік* (Клышка 1993: 405). Как видно из распределения лексем, для носителя языка более важной представляется позиция наемного работника.

Обозначение трудовых отношений предполагает также лексема *працаўладкаваць* (ср. *працаўладкаванне*) ‘обеспечить работой кого-л.’ (ТСБЛМ: 504). Здесь нужно сказать, что глагол, образующий вторую часть композита – *уладкаваць/уладкавацца* – держит практически абсолютную монополию в белорусской художественной литературе – именно таким образом все авторы представляют приобретение работы: *Я табе, гад, месца ў інтэрнаце выбіла і на працу ўладкавала!* (Л. Адамович); *Кажуць, цяпер ціскаеш былую маю сакратарку, Святлану, якую ўладкаваў на працу ў раённую газету.* (Г. Далидович); *Пасля дапамагли б той уладкавацца на работу.* (А. Гара); *Працаваць Бронік Кісялёў уладкаваўся шафёрам у пажарную каманду...* (А. Глобус); *Алег, мне трэба ўладкавацца на працу. Я хачу з’ездзіць у рэдакцыю на праспекце.* (В. Кадетова). Этот глагол интересен потому, что его первыми значениями являются: 1. ‘привести/прийти в надлежащий порядок’; 2. ‘создать необходимые условия жизни’, и только в качестве третьего словарь приводит – ‘поступить/помочь поступить на работу, учебу’ (ТСБЛМ: 687). Следовательно, при употреблении указанного глагола поступление на работу возводится в ранг жизненного обустройства, установления порядка и равновесия.

Интересна еще одна характеристика, фиксируемая производными лексемами, а именно, соотношение труда и здоровья. С одной стороны, наличие лексемы *працаздольнасць* ‘трудоспособность’ (ТСБЛМ: 504) свидетельствует о необходимости здоровья для ведения трудовой деятельности, а, с другой стороны, возникновение слова *працатэрапія* ‘трудотерапия’ говорит о том, что сам труд может возвращать здоровье (ТСБЛМ: 504).

Итак, по данным современных словарей белорусского языка лексемы *праца* и *работа*, а также их дериваты и однокоренные образования, принимают одинаковое участие в формировании концепта ТРУД, причем основное содержание концепта возникает именно в области пересечения их семантических сфер. Труд является общественно-полезной официально организованной деятельностью, протекающей в определенных временных границах, причем нефизический труд представляется более важным. Труд – это одновременно и обязанность человека, и средство его жизненного обустройства. Хотя сам труд, и субъекты

труда (прежде всего, наемные работники) получают однозначно положительную оценку, в семантике лексем появляется скрытое негативное отношение к тяжелой и грязной работе (ср. работа на земле – грязь). Тяжесть труда постепенно становится темпоральной характеристикой: трудовая усталость возникает в случае нарушения заранее установленных временных границ.

Литература

- Bartmiński Jerzy, 2007, *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Federowski Michał, 1935, *Lud Białoruski na Rusi Litewskiej*, t. 4, Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie.
- Jakubowicz Maliola, 2012, *Badania etnolingwistyczne a etymologia*, „Etnolingwistyka” 24, s. 173–183.
- McMillin Arnold B., 1973, *The vocabulary of the byelorussian language in the 19th century*, London: The Anglo-Byelorussian Society.
- Popowska-Taborska Hanna, 2012, *Rola etymologii w kształtowaniu językowego obrazu świata*, „Etnolingwistyka” 24, s. 155–172.
- Апресян Юрий Д. (ред.), 2004, *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, 2 изд., испр. и доп., Москва–Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах.
- Балуш Татьяна В., Чуханова Анжела В., 2012, *Особенности концептуализации труда (працы) в наивно картине мира русских и белорусов, отраженной в паремииологии*, [в:] *Parémie národů slovanských VI*, ed. Ljuba Mrověcová, Ostrava: Ostravská univerzita Ostrava, Filozofická fakulta, s. 24–29.
- БНС, 2010, *Беларуска-нямецкі слоўнік*, Мінск: Зміцер Колас.
- БРС, 2012, *Беларуска-рускі слоўнік*, у 3 т., Мінск: Беларуская Энцыклапедыя.
- Гамеза Ларыса М., *Комплексны лексічны слоўнік беларускай мовы (сінонімы, антонімы, амонімы, паронімы)*, Мінск: ТэтраСістэмс.
- Гамкрелидзе Тамаз В., Иванов Вячеслав Вс., 1984, *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, в 2 т. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та.
- ГСБМ, *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, Мінск: Навука і тэхніка/Беларуская навука, 1982– выданне працягваецца.
- Клышка Міхась К., 1993, *Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў*, Мінск: Вышэйшая школа.
- Кулеш Ганна І., 2002, *Праца – работа, працаваць – рабіць, працоўны – рабочы*, «Роднае слова» 7, с. 55–56.
- Мажэйка Надзея С., 2006, *Частотны слоўнік беларускай мовы*, Менск: Зоркі гор.
- Носович Иван И., 1870, *Словарь белорусскаго наречія*, Санкт-Петербург: Типография Императорской академии Наук.
- Райзберг Борис А. и др., 1999, *Современный экономический словарь*, 2-е изд., испр. Москва: ИНФРА-М. 479.
- Садоўская, Анжаліка Л. і інш., 2011, *Парэміі лексіка-семантычнага поля «працоўная дзейнасць чалавека ў беларускай і англійскай мовах: супастаўляльны аспект*, [у:] *Працы кафедры сучаснай беларускай мовы*, вып. 10, рэд. А. Я. Міхневіч, Мінск: РІВШ, с. 80–85.

- Самусевіч Вольга М., 2005, *Канцэптуалізацыя маўленчай рэчаіснасці ў лагасферы беларускіх СМІ (дамінантныя канцэпты)*, [у:] *Журналістыка – 2005: на скрызжаванні часу і прасторы*, вып. 7, ред. С. В. Дубовік, Мінск: БДУ, с. 144–146.
- Толстая Светлана М., 2008, *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*, Москва, Индрик.
- ТСБЛМ, 2005, *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*, Мінск: Беларуская энцыклапедыя.
- ТСБМ, 1980, *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, т. 4, Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя.
- Фасмер Макс, 1987, *Этимологический словарь русского языка*, т. 3, Москва: Прогресс.
- Цітова Ала І., 1981, *Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы*, Мінск: Выдавецтва БДУ.
- ЭСБМ, *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, Мінск: Навука і тэхніка / Беларуская навука, 1978 – выданне працягваецца.
- Янкоўскі Мікалай А., 1971, *Паэтыка беларускіх прыказак*, Мінск: Вышэйшая школа.

THE CONCEPT OF LABOUR IN BYELORUSSIAN
ON THE BASIS OF LEXICOGRAPHIC DATA

The author makes an attempt to compare the role of the lexical units *pratsa* and *rabota*, as well as their derivatives, in the formation of the concept LABOUR in the Byelorussian language. She comes to the conclusion that the main content of the concept arises in the area of overlapping the semantic fields of these lexemes. Labour is a socially useful and officially organized activity which is performed within a certain time period. It should be mentioned that non-manual work is more important. Labour is both the duty of a human being and a means of one's living arrangements. Although labour and subjects of labour (first of all employees) receive unambiguously positive evaluation, in the semantics of the lexemes being discussed latent negative attitude to heavy and dirty work appears, which often manifests the essence of labour.

KEY WORDS: labour, values, Byelorussian lexicography